

стихийное стремление народа к коллективизму еще до того, как оно успеет угаснуть⁵ в результате капиталистической эволюции и научно-технического переворота, размывания общинного землевладения и натурального хозяйства, неуклонной концентрации денежного богатства, усиления власти кулаков и мироедов-ростовщиков.

Стало быть, традиционные структуры постколониальных обществ не могут быть исследованы на основе каких-либо абстрактно-социологических, формализованных моделей, а лишь в границах той или иной социально-классовой системы, которая и определяет природу и содержание того или иного феномена традиционализма.

З. Н. Галич

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Письма о «Капитале», М., 1968, стр. 368, 529.

ОБСУЖДЕНИЕ ПРОБЛЕМ ЭТНОГЕНЕЗА, МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ КАВКАЗА, СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА В ЛЕНИНГРАДСКОЙ ЧАСТИ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР

22 и 24 апреля 1975 г. в Ленинградской части Института этнографии АН СССР были проведены три расширенных научных заседания группы Кавказа, Средней Азии и Казахстана. На них было прочитано 10 докладов, посвященных вопросам этнической истории и хозяйства, а также другим аспектам материальной и духовной культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. В основу большинства докладов положены полевые материалы, собранные авторами в разные годы. В работе заседаний принимали участие сотрудники Государственного музея этнографии народов СССР и Государственного Эрмитажа.

С. М. Абрамзон выступил с докладом «О некоторых герминах родства в тюркских языках». Докладчик высказал мнение, что в памятниках древнетюркской письменности отразилась не описательная, а классификационная система родства. Ее черты сохранялись до последнего времени у многих современных тюркоязычных народов (об этом свидетельствуют труды Н. П. Дыренковой, Л. П. Потапова, К. Л. Задыхиной и др.). В связи с этим докладчик обратил внимание на то, что в трудах ряда тюркологов, анализирующих древнетюркские тексты, отмечается главным образом членение на «старшее» и «младшее» родство и мужскую линию родства. С. М. Абрамзон рассмотрел такие термины как «племяник» и «дядя», которые нередко трактуются независимо от того, относятся ли они к родству по отцовской или материнской линии, тогда как некоторые из них, бесспорно, имеют групповой характер и связаны родством по материнской линии. С. М. Абрамзон высказал предположение, что в древнетюркском обществе сохранились следы матрилокального брака.

В основу доклада Ф. Д. Люшкевич «Особенности свадебной обрядности таджикоязычного населения Бухарского оазиса» были положены собранные ею полевые материалы. Она убедительно показала, что несмотря на универсальность основного цикла свадебного обряда, в нем отчетливо выделяются локальные варианты, характеризующиеся главным образом деталями проведения различных этапов обряда. Они и являются одним из источников для установления этногенетических и историко-культурных связей. Наибольшие различия отмечены между обрядами сложившимися, с одной стороны, в Бухаре, а с другой — в Ромитанском, Вабкентском и Гиждуванском районах. Свообразие свадебного обряда у таджикского населения обследованных районов определяется главным образом различной степенью взаимоотношения ирано-тюркских элементов. Свидетельством ранних контактов ираноязычного и тюркоязычного населения на всей этой территории являются такие прочно вошедшие в свадебный ритуал тюркские элементы и термины, как, например, *чимильк* (свадебная занавеска), таджикско-персидские термины *арус* (невеста) и *аруси* (свадьба) заменены тюркскими — *келин* (невеста) и *туй* (празднество). Процесс проникновения тюркских элементов в обрядность местного таджикского населения шел более интенсивно в районных центрах Бухарского оазиса. Анализ обряда сватовства — *румолберды* (тюркск. «раздача платков») указывает на его общегенетические корни с обрядами некоторых тюркских групп и на различную степень смешения с местным древним обрядом — *ноншиканон* (преломление хлеба), сохранившимся в г. Бухаре.

В докладе Л. А. Фирштейн «Обряды и поверья, связанные с получением приплода скота и молочным хозяйством у киргизов» приводились материалы, собранные в процессе полевой работы в котловине оз. Иссык-Куль, в долине р. Таласа и в На-

рынской области Киргизской ССР. Докладчица рассказала о некоторых обрядах и поверьях, связанных с появлением на свет молодняка (рождением двойни у кобылицы, коровы или верблюдницы), а также об обрядах, направленных на сохранение и увеличение поголовья скота. Л. А. Фирштейн зафиксированы обряды и представления, относящиеся к молоку и молочным продуктам. Последним приписывали магические свойства, их использовали в качестве лечебных средств. Докладчица указала на то, что с молочными продуктами были связаны различные поверья и запреты, выполнявшие охранные и ритуальные функции. В целом рассмотренный цикл обрядов и поверий отражал культово-магические представления. Дальнейшее их изучение может пролить дополнительный свет на религиозные воззрения киргизов.

Доклад Г. Н. Симакова был посвящен типологии скотоводческого хозяйства у киргизов в конце XIX — начале XX вв. Докладчиком наряду с литературными источниками, которые лишь косвенно затрагивали эту тему, использованы полевые материалы, собранные в Киргизии. Г. Н. Симаков выделит три типа скотоводческого хозяйства. Первый — *кочевое скотоводство*, не связанное с земледелием и со способами пастбы и содержания скота, характерными для оседлого хозяйства. Второй — *скотоводство смешанного типа*, которое уже входит в скотоводческо-земледельческое хозяйство, где наряду со скотоводством имеется и оседлое земледелие. В последнем случае часть скотоводов уже переходит на отгонно-выгонное и стойловое содержание скота, постепенно сокращая расстояния и продолжительность кочевания. Разная степень связи с земледелием и вытекающая отсюда разная степень использования выгонного, стойлового и отгонного содержания скота позволяет выделить в пределах этого типа три подтипа: полукочевой (скотоводство еще сильно связано с кочеванием); оседло-кочевой (промежуточный) и полуседлый (кочевание уже носит пережиточный характер). Третий тип — *оседлое скотоводство* — характеризуется полным отрицанием традиций кочевания со скотом. Ему присущи способы выпаса и содержания скота, характерные для оседлого земледельческого населения. Таким образом, автору удалось выделить и охарактеризовать основные типы скотоводства у киргизов и проследить, как в недрах кочевого пастбищного скотоводства сначала зародились, а затем утвердились как основные формы скотоводческого хозяйства, характерные для оседлого земледельческого населения.

Б. А. Ананьев в докладе «Русское и украинское население Прииссыккулья» отметил, что первые русские и украинские переселенцы появились на территории Прииссыккулья в 60-х годах прошлого столетия. Переселение их было связано с колонизаторской политикой царского правительства. Поселки создавались с учетом хозяйственных и военных потребностей. Заселяли их крестьяне из Центральной России — Воронежской, Курской, Астраханской, Харьковской, Полтавской и других губерний. Устроившись на новом месте, переселенцы начинали заниматься хозяйством — в основном земледелием. Возделывали рожь, пшеницу, просо, гречиху, овес. Для всех селений было характерно общинное владение землей, на праве бессрочного пользования, с периодическими переделами. Земледелие в основном было поливным. Русско-украинским поселенцам приемы искусственного орошения полей известны не были; поэтому поливному земледелию им пришлось учиться у киргизов. Переселенцы занимались также огородничеством. Животноводство имело подсобное значение. Кроме того, переселенцы занимались рыболовством и пчеловодством. На новом месте они не только хорошо обжились, но и оказали прогрессивное влияние на хозяйство окружающего киргизского населения.

Доклад В. П. Курялева «Петроглифы Тарбагатая, Манрака и Саура» был посвящен наскальным изображениям, обнаруженным в 1973 г. автором в Восточном Казахстане. Изображения нанесены на ровную вертикальную поверхность скальных выходов, обращенных, как правило, на юг и юго-восток. Рисунки выполнены «точечной техникой». Первая группа наскальных изображений находится в ущелье Богутас, расположенном на одном из северных склонов Тарбагатая, в 5—6 км от ближайшего населенного пункта Асусай. Они расположены как правило на высоте 10—15 м. Основной их сюжет — животные, главным образом, горные козлы и архары. Встречаются также изображения оленей, лосей, лошадей, двугорбых верблюдов, волка (или собаки?), а также людей — стрелков из лука, всадников. В. П. Курялевым обследовано только ущелье Тарбагатая (по свидетельству местного населения, здесь имеется не менее 200 мест с наскальными изображениями). В горах Манрака, в урочище Котаншилик, также встречаются изображения диких козлов, архаров, оленей. А на одном камне, по-видимому, изображена даже облава волков на оленей. По имеющимся сведениям петроглифы есть и в других местах Манрака. На восточной стороне ущелья Жабай горной системы Саур также имеются изображения горных козлов и архаров. Сравнение обнаруженных рисунков с уже известными петроглифами Прииртышья, Южного Казахстана, Тувы, Монголии и других районов позволяет высказать предположение о том, что наскальные рисунки Тарбагатая, Манрака и Саура возникли не раньше периода ранних кочевников и не позднее древнетюркского.

В докладе «Сарматские типы одежд на рельефах пантикапейских надгробий и триумфальной колонны побед императора Трояна в Добрудже» Т. Д. Равдоникас сообщила о типе мужского костюма, изображение которого встречается на рельефах пантикапейских надгробий и представляет большой интерес. Это костюм, в состав которого входила наплечная одежда (кафтан) из шкуры парнокопытного животного

(олень, лось). На боспорских рельефах имеется изображение трех вариантов такой одежды: кафтан без нагрудника, который вошел в состав костюма греческих колонистов, кафтан с нагрудником, надеваемым отдельно, кафтан с пришитым нагрудником. Такая одежда могла быть принесена племенами скифо-сарматского круга, но могла возникнуть и самостоятельно в Северном Причерноморье, ибо тип ее вначале представлял собой простейшую форму наплечной одежды и определялся конфигурацией самой шкуры, возникновение ее связано с охотой на парнокопытных, и со скотоводством. Описания древних авторов, остеологический и археологический материалы, топонимика свидетельствуют о существовании в Причерноморье многочисленных стад благородных оленей, а сообщения писателей эпохи эллинизма и этнонимы говорят о наличии охотников на оленей или даже оленеводов. Гезихий, писатель эпохи позднего эллинизма, в своем «Словаре» сохранил для нас местное название такой одежды, а В. И. Абаев, исходя из данных дигорского, более архаичного диалекта осетинского языка, этот термин перевел. Обозначал он, по мнению В. И. Абаева, «одежду из оленьей шкуры».

Таким образом, все приведенные выше факты подтверждают нашу мысль о бытовании среди обитателей Северного Причерноморья эпохи эллинизма наплечной одежды из шкуры парнокопытного.

Л. И. Смирнова посвятила доклад вопросу, не рассматривавшемуся ранее в литературе — знакам на декоративных блюдах, широко бытовавших в горной Аварии. Изготовление таких блюд приписывается лезгинам селения Испик. Знаки эти представляют собой точечные или продолговатые выемки, нанесенные на сырую глину. Они расположены на наружной стороне дна полукругом или посредине. Количество их варьирует от 4 до 10 и более. Пока не удалось установить закономерность в порядке расположения, форме, количестве знаков и их зависимость от сюжета и от краски блюд. Между тем на другой керамике Дагестана, бытовавшей в XIX—XX вв., подобных знаков пока не обнаружено. Наиболее близкими аналогами рассматриваемых знаков являются знаки на керамике из раскопок Урцекского городища. Урцекские знаки М. Мамнаев относит к албанско-сарматскому и раннесредневековому времени и определяет их как ремесленные метки. т. е. гончарные клейма. Учитывая сказанное, а также то, что на остальных видах керамики, бытовавшей в Испике, встречаются знаки рисованные, а не вдавленные, и что последние ставились только на декоративных блюдах, которые материалом, техникой выполнения и сюжетом орнамента резко выделяются среди остальной (рисованной) керамики этой местности, Л. И. Смирнова ставит под сомнение изготовление данных блюд в Испике и предлагает вновь рассмотреть этот вопрос, учитывая то обстоятельство, что декоративные блюда встречались лишь в тех районах Аварии, где была распространена бытовая керамика с вдавленными знаками.

Материалом сообщения М. В. Сазоновой «Водные пути и средства передвижения в Хорезме (конец XIX — начало XX в.)» послужили экспедиционные записи 1946—1949 и 1971 гг., сделанные от старых водителей (*дарга* и *кемачи*) судов. Кроме того, докладчица использовала некоторые архивные данные. В сообщении приводились сведения о судоходности хорезмских магистральных каналов и Амударьи, о местных типах судов, давалось их краткое описание. М. В. Сазонова осветила организацию труда судовой команды, вскрыла феодальный характер отношений в ней. В заключение она подчеркнула значение местного судоходства для транспортировки хлопка и других продуктов сельского хозяйства в Центральную Россию и товаров российской промышленности в Хорезм.

Л. И. Лавров в докладе «Украинско-адыгские (черкесские) этнокультурные связи» привел ряд дополнительных материалов к ранее опубликованной им работе об украинско-кавказских исторических связях. Он показал, в частности, что адыгский обычай «гуляния у постели» раненого (*апши*) был известен в XIX в. и черноморским казакам. Поскольку в прошлом украинцев и адыгов называли сходными этнонимами «черкас» — «черкес» и «казак» — «касог», докладчик высказал предположение о том, что раньше эти этнонимы имели социальное, а не этническое значение, причем сказанное может относиться и к слову «кыргыз», которое по мнению Л. И. Лаврова, является лишь фонетической разновидностью слова «черкес».

По докладам развернулись оживленные прения. В них наряду с сотрудниками Института этнографии приняли активное участие специалисты из Государственного Эрмитажа и Государственного музея этнографии народов СССР, сделавшие ряд интересных дополнений и замечаний.

Подводя итоги расширенных научных заседаний группы Кавказа и Средней Азии, Л. И. Лавров отметил их результативность и большой научный интерес.

В заключение было высказано пожелание о ежегодном проведении научных заседаний группы и публикации их материалов.

Б. А. Ананьев: